

С. К. ГОГЕЛЬ

Прив.-Доцентъ ИМПЕРАТОРСКАГО СПБ. Университета
Профессоръ Психо-Неврологическаго Института.

КУРСЪ
УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
ВЪ СВЯЗИ
СЪ УГОЛОВНОЙ СОЦІОЛОГІЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Введеніе	стр.
Содержаніе и задачи науки уголовной политики	1
Основное различіе между уголовнымъ и гражданскимъ правомъ	11
Позитивный методъ изслѣдованія преступности	20
Ростъ преступности въ европейскихъ государствахъ	32
Порядокъ собиранія статистическихъ данныхъ о преступности	54
Обзоръ литературы по уголовной соціологіи и уголовной политики. Прошлое и настоящее	62
Чезаре Беккарія	63
Джонъ Говардъ	72
Современная литература	77
II. Ученіе о факторахъ преступности	83
А. Индивидуальные факторы	87
Уголовно-антропологическая школа	90
Другія ученія объ индивидуальныхъ факторахъ преступности	105
Ученіе моралистовъ	113
Б. Внѣшніе факторы	119
Факторы экономическіе	121
Соціальные факторы	125
Общіе выводы о факторахъ преступности	160
III. Ученіе о мѣрахъ борьбы съ преступностью	163
Репрессія и превенція	167
А. Мѣры репрессивныя:	
Значеніе тюремнаго заключенія въ прошломъ и настоящемъ	188

	СТР.
Рефѳормы въ области уголовного законодательства. .	201
Проектъ швейцарскаго угол. ул.	203
Норвежское угол. ул. 22 мая 1902 г.	239
Коренное измѣненіе основныхъ началъ въ постановкѣ мѣръ репрессіи. Опозореніе и устраненіе личности преступника въ прошломъ и возрожденіе личности пре- ступника въ наше время. Психологическое принуж- деніе	249
Условное досрочное освобожденіе.	256
Условное осужденіе.	278
Реабилитация	320
Мѣры борьбы съ дѣтскою преступностью. Принудитель- ное воспитаніе	351
Неопредѣленные приговоры. Сохраненіе. Принудитель- ное воспитаніе для взрослыхъ. Реформаторіи	399
Роль общества въ примѣненіи новыхъ мѣръ борьбы съ преступностью	407
Б. Мѣры превентивныя:	
Общая характеристика этихъ мѣръ	440
Характеристика современнаго союзнаго движенія и зна- ченія этого движенія для борьбы съ преступностью .	443
Союзы экономически и нравственно здоровыхъ лично- стей, ограждающіе честь и нравственное достоинство своихъ сочленовъ	464
Союзы нравственно и экономически здоровыхъ лично- стей, приходящіе на помощь лицамъ съ пошатнув- шимся экономически и нравственно положеніемъ (фи- лантропическіе)	481

I. ВВЕДЕНИЕ.

Содержаніе и задачи науки уголовной политики.

Наука уголовной политики новая, преподаваніе ея введено всего лишь два года въ русскихъ университетахъ. Понятно, поэтому, что взгляды на содержаніе и задачи этой науки еще не вполне установились. Наиболѣе распространеннымъ, однако же, должно быть признано мнѣніе, въ силу котораго эта новая наука является какъ бы прикладной къ догмѣ уголовного права. Такой взглядъ долженъ быть признанъ, однако, совершенно невѣрнымъ, какъ основанный на неправильномъ взглядѣ на задачи и содержаніе основной науки. Въ качествѣ таковой основной науки никоимъ образомъ не можетъ быть признана догма уголовного права, которая и сама является ничѣмъ инымъ, какъ прикладной наукой-систематизаціей одного изъ видовъ мѣръ борьбы съ преступностью — репрессіи.

Стремленіе создать особую науку политики, какъ прикладную, особенно ярко проявилось въ области нѣмецкой науки государственнаго права уже лѣтъ 40 тому назадъ, и тогда же далъ соотвѣтственную и правильную оцѣнку всему этому движенію В. И. Сергѣевичъ въ своемъ неустарѣвшемъ и до нынѣ изслѣдованіи „Задачи и методъ государственныхъ наукъ“ (1871 г.). Онъ совершенно вѣрно выяснилъ, что такая настоятельная потребность въ образованіи особой новой науки „политики“ ощущается только нѣмецкой наукой, но не англійской и французской, и причина этого въ глубокомъ различіи постановки основной науки въ Германіи съ одной стороны, и Франціи и Англіи съ другой. Въ этихъ послѣднихъ странахъ, прежде всего и главнымъ образомъ, изучаютъ дѣйствующій въ разныхъ государствахъ государственный строй и дѣйствующее законодательство, здѣсь дѣлаютъ обобщенія на основаніи фактическаго матеріала какъ зако-

нодательнаго, такъ и бытового, здѣсь дошли уже до соціологіи. Наоборотъ, въ Германіи того времени наука всецѣло оставалась еще на почвѣ ученій естественнаго права, теорій отвлеченныхъ, построенныхъ по чисто раціоналистическому, дедуктивному методу. При такихъ условіяхъ дѣйствительная жизнь забывалась совершенно. А между тѣмъ государственнѣй строй измѣнился, рѣзкое различіе между печальною дѣйствительностью и идеалистическими построеніями естественнаго права значительно сгладились. Относиться къ жизни и дѣйствительному положенію вполне отрицательно, игнорировать ихъ, становилось совершенно невозможнымъ; и вотъ, какъ уступка жизни, и явилось желаніе образовать новую науку, куда бы немного получила доступъ жизнь, но въ видѣ прикладной, вспомогательной. Черезъ 27 лѣтъ послѣ сочиненія Сергѣевича вышла въ свѣтъ работа профессора Страсбургскаго университета, Фрица ванъ Калькера „Политика какъ наука“ (1898), и въ ней признается, что къ наукѣ политикѣ относятся съ громаднымъ недовѣріемъ; ея цѣли, содержаніе и задачи не опредѣлились и до сихъ поръ. По мысли одного изъ самыхъ выдающихся защитниковъ политики какъ науки Фр. ф. Гольцендорфа, автора сочиненія „Основы политики“ (1877), предметомъ науки политики должно быть изученіе реализаціи государственныхъ цѣлей. Черпая данныя изъ основной науки, наука политики должна явиться путеводителемъ и наставникомъ реальной политики во всѣхъ ея отрасляхъ.

Догма уголовного права, вся построенная по системѣ гражданскаго права, изслѣдующая не явленія дѣйствительной жизни, а лишь юридическія формы этихъ явленій, забывающая, поэтому, о дѣйствительной жизни, оказывается несостоятельной для освѣщенія существующей преступности, ея причинъ, конечно, и мѣръ борьбы съ преступностью. Понятна поэтому потребность и здѣсь въ какой то новой наукѣ. Но можетъ-ли эта новая наука явиться въ качествѣ дополнительной къ догмѣ съ одной стороны и въ качествѣ верховнаго указчика въ дѣлѣ борьбы съ преступностью съ другой стороны, какъ этого требуютъ многіе современные ученые?

И то и другое совершенно невѣрно. Новая наука не можетъ быть прикладной къ догмѣ, потому что ей нечего отъ

последней заимствовать, ей надо изучать действительную реальную преступность и ея причины, а не юридическія формы таковой въ современномъ законодательствѣ. Это первое; съ другой стороны, несомнѣнно, никакая наука, за исключеніемъ чисто техническихъ, не призвана быть непосредственнымъ указчикомъ и руководителемъ практической дѣятельности государства и общества въ той или другой области.

Поэтому новая наука, распадаясь, если угодно, на уголовную соціологію (вмѣстѣ съ уголовной антропологіей) и уголовную политику, должна изучать въ первой части преступность и ея причины, а во второй—примѣняемыя уже нынѣ мѣры борьбы съ преступностью, какъ репрессивныя, такъ и превентивныя. Оцѣнивать мѣры борьбы съ преступностью уголовная политика можетъ только съ точки зрѣнія соответствія ихъ и цѣлесообразности ихъ для борьбы съ тѣмъ зломъ и его причинами, которыя выясняетъ уголовная соціологія. Такимъ образомъ, уголовная политика, являясь или неразрывнымъ цѣлымъ съ уголовной соціологіей или прикладной наукой къ основной позитивной наукѣ — уголовной соціологіи, представляетъ собою ученіе о существующихъ уже нынѣ мѣрахъ борьбы съ преступностью. Не занимаясь вовсе юридическими формами преступности, она удѣляетъ и мѣрамъ репрессіи, соответственно съ признаннымъ нынѣ малымъ удѣльнымъ вѣсомъ ихъ для борьбы съ преступностью, меньше значенія, чѣмъ мѣрамъ превентивнымъ и, главнымъ образомъ, должна подробно выяснять происходящій въ настоящее время крутой поворотъ въ постановкѣ мѣръ репрессіи, изъ коихъ новѣйшія могутъ быть причислены къ репрессивнымъ мѣрамъ только номинально.

Оставляя догматическое изученіе, надо прежде всего отказаться отъ пріемовъ догматической школы и сосредоточить свое вниманіе на другихъ предметахъ, а не на томъ, на чемъ сосредоточивала свое вниманіе догматическая школа. Все же вниманіе догматической школы было сосредоточено на преступномъ дѣяніи, какъ продуктѣ преступной воли; съ этою свободою, какъ она всегда думала, волею она и предлагала бороться карою-возмездіемъ. Отъ преступнаго дѣянія она уже восходила къ преступнику,

какъ автору дѣянiя и носителю злой воли, другихъ свойствъ у преступника не было. Что же выходило?—то, что это дѣянiе являлось какъ *deus ex machina*, какъ единичное, случайное, произвольное явленiе, котораго ни предвидѣть, ни предупредить нельзя было, и сколько бы такихъ явленiй ни было, онi между собою ничего общаго не имѣли. Удивительно, какъ еще могли думать при такихъ условiяхъ бороться съ преступниками, да еще къ тому же общими мѣрами, однѣми для всѣхъ. Это было положенiе безнадежное. Но еще безнадежнѣе оно было въ научномъ отношенiи; что изучать, какiя научныя обобщенiя возможны въ такихъ случаяхъ, если не вдаваться исключительно въ область науки психологiи. Какъ можетъ въ сущности существовать самое понятiе преступнаго дѣянiя, какъ общаго понятiя, для этого ряда произвольныхъ случайныхъ дѣянiй? — единственное начало, объединяющее—это воля, непокорная воля, взятая въ самомъ общемъ смыслѣ, какъ одна изъ способностей чело-вѣка. Но вотъ „мечтатели“ стали давно, уже съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтiя, сомнѣваться въ томъ, чтобы преступныя дѣянiя были такъ разрознены между собою и представляли такiя произвольныя, случайныя явленiя. Статистикъ Кетле сталъ усматривать извѣстную связь между ними, сталъ доказывать, что общая волна преступленiй повышается и понижается въ зависимости отъ какихъ то общихъ причинъ, а при неизмѣнности причинъ число преступленiй остается то же изъ года въ годъ. Статистика стала развиваться, стали сравнивать данныя, получавшiяся въ разныхъ странахъ и въ разное время, приводить въ связь съ тѣми или другими социальными, физическими причинами (неурожая, временъ года) и т. д., и оказалось, что существуетъ не куча разрозненныхъ дѣянiй, а нѣчто общее, въ видѣ преступности даннаго народа въ данную эпоху, въ видѣ общей суммы преступленiй.

Дальнѣйшiя изслѣдованiя пошли дальше, и оказалось, что и преступника тоже недостаточно изучать только какъ носителя воли и что тѣ же общiя причины, которыя объединяютъ всѣ преступленiя, совершаемыя въ данномъ народѣ и въ данную эпоху, въ одно цѣлое, влiяютъ и на образованiе различныхъ типовъ преступниковъ и въ этомъ смыслѣ,

напр., проф. Фойницкій въ своемъ „Ученіи о наказаніи“ говорить о преступности, какъ о личномъ состояніи, скорѣе какъ о преступныхъ наклонностяхъ. Пришлось такимъ образомъ сосредоточить вниманіе и заняться изученіемъ не того, что изучала классическая догматическая школа, пришлось изучать преступность, причины преступности (факторы) и преступника.

Пришлось отказаться и отъ метода догматической школы—дедуктивно-юридическаго. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь была поставлена задача—изученіе забытой жизни во всемъ ея разнообразіи, богатомъ разнообразіи. Ибо преступность—одно изъ самыхъ сложныхъ явленій соціальной жизни, это явленіе несомнѣнно соціальное, но, какъ и вся соціальная жизнь и всѣ ея явленія, оно опредѣляется и вызывается цѣлымъ рядомъ причинъ и чисто внѣшнихъ, природы, хотя бы климата, времени года, плодородія почвы и т. д. и цѣлаго ряда антропо-біологическихъ причинъ, коренящихся въ устройствѣ, наклонностяхъ, характерѣ людей данной расы, народа, мѣстности, наконецъ, причинъ, коренящихся въ исторіи и всемъ соціальномъ и политическомъ строѣ народа. Конечно, здѣсь не можетъ быть и мысли о единомъ догматическомъ началѣ, изъ котораго выводятся всѣ остальные понятія, о волѣ или о чемъ либо другомъ. Здѣсь много началъ, много причинъ, много явленій, какъ волнъ въ морѣ. Это общее понятіе преступленія, какъ призракъ, разбилось на кусочки и изъ каждаго кусочка выросла гора громадная, на обслѣдованіе которой надо потратить много времени. Да, одного начала недостаточно: вѣдь нельзя же брать частичку человѣка—его волю, когда въ преступленіе онъ вкладывается весь, со всѣми его способностями душевными, умственными, физическими, со всѣмъ прошлымъ своимъ личнымъ и своего народа.

Итакъ, методъ въ первой части, въ области уголовной соціологіи, другой—методъ наблюденія, индукціи; конечно, здѣсь невозможны опыты, какъ въ естественныхъ наукахъ, но эти опыты за науку и какъ бы для науки производятся самими народами, и вотъ сравненіе того, что происходитъ въ разныхъ народахъ и послѣдовательность явленій даетъ прочную почву для обобщеній и выводовъ. Изучая такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію въ солидарности,

въ зависимости одного явленія отъ другого, въ сосуществованіи явленій, въ аналогичности чертъ, характеризующихъ ихъ, и затѣмъ въ причинности, т. е. въ послѣдовательности, въ томъ, что ближайшей причиной каждаго соціальнаго явленія слѣдуетъ признавать всегда соціальное состояніе, предшествовавшее ему. Въ основу, въ уголъ всего изученія, становится положеніе, добытое тоже опытнымъ путемъ и общепризнанное, неоспоримое, о существованіи здѣсь, во-первыхъ, закона причинности и, во-вторыхъ, объ однообразіи путей, избираемыхъ природой какъ внѣшней, такъ и соціальной въ своихъ созданіяхъ.

Эти законы неизмѣнны, ихъ законодатель измѣнить по своей волѣ не можетъ, съ ними онъ долженъ сообразоваться; но не слѣдуетъ забывать, что однимъ изъ факторовъ соціальныхъ явленій всегда является цѣлесообразная, сознательная человѣческая дѣятельность.

Конечно, во второй части нашей науки — уголовной политикѣ методъ позитивный (индуктивный) непримѣнимъ въ такой же мѣрѣ, какъ и въ первой. Эта вторая часть, если ее разсматривать какъ самостоятельную науку, является прикладной въ отношеніи къ первой и, какъ всякая прикладная наука, исходитъ изъ положеній основной науки, которыя принимаются уже здѣсь какъ безспорныя начала, какъ исходная точка. Если основная наука, на примѣръ, пришла къ заключенію, что главной причиной значительной части преступленій является особое состояніе заброшенности, одиночества, отдѣльной человѣческой личности, явленіе соціальное — то уголовная политика, изучая тѣ мѣропріятія, которыя современнымъ культурнымъ человѣчествомъ примѣняются въ борьбѣ съ этимъ явленіемъ, оцѣниваетъ ихъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, т. е. того, въ какой мѣрѣ они ослабляютъ вредныя послѣдствія этого соціальнаго явленія.

Но возможно, въ извѣстной мѣрѣ, примѣненіе и другихъ пріемовъ, чрезвычайно приближающихся, или даже тождественныхъ, съ методомъ индуктивнымъ. Такъ поступилъ на примѣръ нашъ извѣстный даровитый криминалистъ Кистяковскій въ своемъ выдающемся „Исслѣдованіи о смертной казни“. Онъ оставилъ въ сторонѣ оцѣнку этого наказанія

съ точки зрѣнія цѣлесообразности, онъ посмотрѣлъ на смертную казнь, какъ на явленіе соціальное, и прослѣдилъ въ исторіи, при какихъ условіяхъ примѣненіе этого наказанія учащается, а равно послѣдовательно установилъ эволюцію вымиранія смертной казни; это соціальное явленіе вымиранія находится въ несомнѣнной внутренней связи съ ростомъ другихъ соціальныхъ явленій, среди которыхъ повышение культурнаго строя и уравниеніе въ правахъ сословій играютъ выдающуюся роль. Можно изучать ту же смертную казнь тоже какъ соціальное явленіе, рассматривая ее при томъ не какъ послѣдствіе другихъ соціальныхъ явленій, а какъ причину въ свою очередь другихъ явленій, напримѣръ, установить путемъ статистическихъ и другихъ данныхъ, что при учащеніи примѣненія смертной казни, учащается совершеніе въ странѣ насильственныхъ противъ личности преступленій и вообще происходитъ ожесточеніе нравовъ.

Вопросъ о примѣненіи того или другого метода въ области науки, изучающей преступность, ея причины и борьбу съ ними, привлекаетъ особенно близкое вниманіе всѣхъ современныхъ научныхъ школъ ¹⁾. Въ существѣ дѣла, однако, едва ли имѣются серьезныя основанія для того горячаго спора, который ведется по этому поводу. Весь онъ скорѣе обусловливается стремленіемъ объединить въ одну науку, какъ занимающую нынѣ господствующее положеніе, догму уголовного права, изучающую, какъ сказано выше, исключительно юридическія формы явленій и оперирующую совершенно правильно для своихъ задачъ при помощи метода дедуктивнаго, съ новыми науками, уголовной соціологіей и уголовной политикой, изъ которыхъ первая, конечно, можетъ прибѣгать только къ методу позитивному. Едва ли, однако, настало время для такого объединенія; едва ли слѣдуетъ тратить научныя силы на споры объ удѣльномъ вѣсѣ, о мѣстѣ и значеніи, которое получить въ общемъ дворцѣ науки догма дедуктивная и соціологія позитивная. Важно то, что число защитниковъ исключительно догматическаго

¹⁾ Подробнѣе по этому вопросу см. М. Н. Гернетъ. Соціальные факторы преступности, 1905, стр. 1—28; М. П. Чубинскій. Очерки уголовной политики, *passim* и др.

изученія преступности, какъ справедливо говоритъ Гернетъ, крайне быстро рѣдѣетъ. Важно то, что подорвано убѣжденіе, будто бы репрессія есть единственное средство въ борьбѣ съ преступностью и догма, систематизирующая мѣры репрессіи и изучающая лишь юридическія формы проявленій преступности, единственная дѣйствительная наука, все же остальное—всѣ уголовно-соціологическія и уголовно-политическія изслѣдованія—или не научны или относятся къ области біологіи, антропологіи или даже публицистики. Время дѣлаетъ свое: съ постепеннымъ упадкомъ значенія репрессіи, съ постояннымъ упрощеніемъ уголовныхъ кодексовъ, все меньше придаютъ значенія и большинству догматическихъ доктринъ. Время и, можетъ-быть, неотдаленное будущее опредѣлитъ точнѣе и дѣйствительное значеніе какъ науки догмы уголовного права, развившейся изъ глоссы, т. е. простого комментирования и толкованія дѣйствующихъ законовъ. Одно можно сказать и теперь уже, что объединеніе подъ однимъ общепринятымъ, только для одной догмы, названіемъ науки уголовного права и самой догмы и новыхъ наукъ безусловно нежелательно, ибо ведетъ, въ особенности въ умахъ изучающихъ еще только науку, къ смѣшенію и совершенно различныхъ предметовъ изслѣдованія и совершенно различныхъ методовъ изслѣдованія.

Есть, однако, и теперь одно отношеніе, одинъ элементъ юридическій, (но въ сущности вовсе не уголовнодогматическій,) который долженъ быть принятъ въ серьезное вниманіе при построеніи науки уголовной политики. Какъ сказано уже выше, наука уголовной политики, хотя и является наукой прикладной, не можетъ претендовать на положеніе какого-то верховнаго указчика для законодателя, судьи и администратора. Она не можетъ уподобляться чисто техническимъ прикладнымъ наукамъ, не можетъ давать даже законодателю такихъ непосредственныхъ практическихъ совѣтовъ. Это даетъ ей несомнѣнно нѣкоторую свободу въ ея предположеніяхъ, избавляетъ ее отъ обязанности принимать непремѣнно во вниманіе возможность на практикѣ немедленнаго осуществленія ея предположеній. Но, однако же, эта свобода предположеній ограничивается однимъ требованіемъ. Какъ наука прикладная, предлагающая мѣры для борьбы съ

соціальними бѣдами современныхъ культурныхъ народовъ, она должна считаться съ общимъ культурнымъ строемъ этихъ народовъ и прежде всего съ тѣмъ, что всѣ они въ настоящее время пользуются, такъ называемымъ, правовымъ государственнымъ строемъ, при которомъ права человѣческой личности представляются благомъ ненарушимымъ, ограждаемымъ основными законами. Поэтому, исходя изъ положеній уголовной соціологіи о наличности извѣстнаго соціальнаго зла, и строя по соображеніямъ цѣлесообразности свои предположенія въ устраненіе или ослабленіе этого соціальнаго зла, она не можетъ никоимъ образомъ принимать во вниманіе только одни соображенія цѣлесообразности и считать, что все, что цѣлесообразно, вмѣстѣ съ тѣмъ и допустимо и можетъ быть предложено. Она должна безусловно считаться съ требованіями правового государственнаго строя и прежде всего съ правами человѣческой личности. Поэтому являются недопустимыми такія, напримѣръ, предположенія. Уголовно-антропологическая школа въ первоначальномъ періодѣ своего развитія, придя къ заключенію о наличности большого числа прирожденныхъ, неисправимыхъ преступниковъ, рекомендовала широкое примѣненіе смертной казни, какъ единственно цѣлесообразнаго средства борьбы съ преступниками. Такъ далѣе, еще недавно американскій ученый Бойесъ ¹⁾ въ своемъ, далеко не лишнемъ научныхъ достоинствъ, трудѣ рекомендовалъ, какъ единственно практическую цѣлесообразную мѣру въ борьбѣ съ половыми преступлениями—кастрированіе преступниковъ, совершающихъ подобныя преступления. Подобныя предположенія роняютъ достоинство науки, допуская въ ея область плоды необузданной фантазіи, а не того научнаго воображенія, о которомъ такъ прекрасно говорилъ знаменитый англійскій естествоиспытатель Джонъ Тиндаль.

Но такое ограниченіе указываетъ на необходимость считаться не съ требованіями догмы уголовного права, а съ тѣми требованіями правового строя, съ которыми считаются и всѣ юридическія дисциплины. Для того же, чтобы яснѣе представилось различіе новыхъ наукъ отъ догмы уголовного

¹⁾ Boies. The Science of Penology, 1901.

права, а равно стала бы понятнѣе настоящая необходимость, вызвавшая образованіе уголовной соціологіи и уголовной политики, необходимо остановиться на вопросѣ о недостаточности одного чисто юридическаго изслѣдованія преступности, а для разрѣшенія этого вопроса необходимо точное выясненіе коренного различія, существующаго между чисто юридической дисциплиной гражданскаго права и уголовнымъ правомъ.

Основное различіе между уголовнымъ и гражданскимъ правомъ.

Защитники догмы уголовного права, какъ единственной науки о преступности, утверждали до послѣдняго времени, что для борьбы съ преступностью есть только одно средство—репрессія, что систематическое изложеніе мѣръ репрессіи, научная систематизація положеній уголовныхъ кодексовъ, въ которыхъ перечислены преступныя дѣянія и наказанія за нихъ, и есть единственное, дѣйствительно научное, ученіе о преступности.

Систематизація эта производилась юридически по системѣ гражданского права со временъ первыхъ глоссаторовъ 13-го вѣка. Глоссируя, т. е. разъясняя для современныхъ юристовъ постановленія римскаго гражданского права и найдя въ Дигестахъ двѣ главы, посвященныя уголовному праву, глоссаторы и ихъ по своему, по ихъ воззрѣніямъ, „научно“ обработали и, конечно, по той же системѣ гражданского права—главной юридической дисциплины. И съ тѣхъ поръ ученіе о преступности стало обрабатываться по системѣ гражданского права. Субъектъ, объектъ, сдѣлка, какъ актъ волеизъявленія въ гражданскомъ правѣ, въ уголовномъ правѣ, какъ актъ злой воли и неизбѣжныя, съ опасностью въ противномъ случаѣ, что рушится весь правовой строй, юридическія послѣдствія сдѣлки. Все просто, прочно, повидимому, логично; прямо, казалось, дѣлать нечего, и потому юридическая догматическая школа занялась филигранными работами, къ которымъ она унаслѣдовала вкусъ все отъ тѣхъ же глоссаторовъ среднихъ вѣковъ. Такъ потрачено было много труда на вопросы о вмѣняемости, пока, наконецъ, врачи признали, что такого опредѣленія быть не можетъ; все старались дать опредѣленіе понятія покушенія, пока, наконецъ, было признано, что точнаго опредѣленія дать нельзя, и кодексы по-